

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Г.Г. Молчанова

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ И МИФОТЕХНОЛОГИИ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ ТЕКСТЕ¹

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Самое оригинальное – это ...фантастика обыденной жизни,
которая весьма далека от традиционных мифов,
но строится в какой-то мере по их моделям.

Е. Мелетинский

Цель настоящей статьи – вскрыть основные познавательные механизмы в ментальном мире человека, ведущие к изменению сознания и стереотипных мифологем в переломные моменты под влиянием внешних факторов и при помощи современных мифотехнологий. В статье алгоритм интертекстуального фреймо-слотового анализа представлен в виде последовательного рассмотрения наиболее типичных интертекстуальных свойств мифодизайнерского текста: наличия и количества input spaces (входных пространств); семантической (содержательной) интертекстуальности; формальной (структурной) интертекстуальности; аллюзивной лексической интертекстуальности; меметической интертекстуальности. Вызванные направленными интертекстуальными ассоциациями ментальные пространства смешиваются со смыслом и контекстом нового текста, образуя новые ментальные пространства. Таким образом, интегрированная модель позволяет осмыслить взаимодействие ментальных пространств, что приводит к представлению о возникновении нового знания, нового смысла. Широкое внедрение архаического мифа в постмодернистский дискурс, его осовременивание как в виде ремифологизации (т.е. использования сюжета, имен, структурной и образной аранжировки), так и в виде демифологизации (снижения пафоса, дегероизации, ироничности, неформальности стиливого регистра, нивелировки богопочитания) – все это переводит мифологему в семиотическую сферу, превращает ее в знак, новую

Молчанова Галина Георгиевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, декан факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: dean@fl.msu.ru).

¹ Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

смысловую единицу лингвокультуры, а главное – встраивает в контекст современности, давая возможность вступать в диалог с новым поколением XXI в.

Ключевые слова: мем-мифологема; ре/демифологизация; интертекстуальность; мемплекс; архетип; прототекст.

Миф является одной из чрезвычайно сложных реальностей лингвокультуры, поэтому подходы к его изучению и интерпретации многочисленны и неоднозначны. По определению Мирчо Элиаде, «миф – это сказание, передающее представления людей о мире, месте человека в нем, о происхождении всего сущего, о богах и героях. Миф – универсальная категория человеческой психики и человеческой культуры, и, как любая универсалия, он находится вне времени, сопровождает человека на всем протяжении эволюции... Основную задачу мифа можно определить как систему создания образцов и моделей любого важного действия, совершаемого человеком» [Элиаде, 2014: 56].

Мотивы из различных мифологий сыграли огромную роль в развитии литературных сюжетов, а мифологические образы, темы и персонажи используются и переосмысливаются на протяжении практически всей истории литературы, так как мифологическая форма сознания позволяет объяснять мир через определенные сюжеты и образы, глубоко хранящиеся в нашей коллективной памяти. В нашем постмодернистском мире процессы осовременивания мема-мифологема, его ремифологизация и демифологизация, как и другие виды интертекстуальности, находят широкое применение в разных видах текста/дискурса. Миф перестает быть исключительно древним повествованием, рассказом о богах, Титанах и героях, синкретическим представлением о явлениях природы, вымыслом, иносказанием. Он становится одним из мощных манипуляционных механизмов современного мемплекса (т.е. совокупности мемов и антимемов), воздействующих на сознание людей, эффективным средством влияния на коллективное сознание в обществе и политике. Для настоящей работы особенно важно то, что мифологема выступает как в качестве мифологического материала, так и в качестве основы для образования нового. «“Мифологема” – вот лучшее древнегреческое слово для их обозначения, которые всем хорошо известны, которые далеки от окончательного оформления и продолжают служить материалом для творчества». [Юнг, 1997: 57].

Частое повторение антимема, основанного на старых мемах, приводит к тому, что сама специфика возникновения и укоренения в обществе таких конструкций дает им не только лингвокультурное, но и определенное психологическое влияние на общественное кол-

лективное бессознательное, «эксплуатация» которого обладает серьезным потенциалом в коммуникации. Авторское мифотворчество содержит элементы архаичного мира, спроектированного на реальный пласт современной жизни. Созданные в древности архетипы и сюжетные схемы содержат одновременно элементы вневременного, повторяющегося, вечного, и в то же время отражение событий, характерных для конкретной эпохи и ситуации. «Марсель Дюшан пририсовал усы Джоконде, но ему потребовалась Джоконда, чтобы было кому приделать усы» [Эко, 2005]. Е.М. Мелетинский писал о приспособлении древнего мира к реалиям современной жизни: «Самое оригинальное – это ... фантастика обыденной жизни, которая весьма далека от традиционных мифов, но строится в какой-то мере по их моделям... На передний план выходит интерес к типическому, вечно-человеческому, вечно повторяющемуся, вневременному, короче говоря, к области мифического. Ведь в типичном всегда есть очень много мифического в том смысле, что типичное, как и всякий миф, – это изначальный образец, изначальная форма жизни, вневременная схема» [Мелетинский, 2003: 295]. Одновременно с ремифологизацией при работе современного автора с мифопроектами происходит их демифологизация, создающая новую реальность.

Обратимся к анализу авторского мифодизайна, создающего интертекстуальную модель «фантастики обыденной жизни», намеренно избрав для этого наивное, даже простенькое, на первый взгляд, стихотворение поистине народного поэта – Олега Григорьева: «Украл у богов факел, / Принес людям свет. / А люди по норам попрятались, / – Никого как бы нет. / Только из тьмы камни / Градом летят в меня. / Однако крепко руками / Держу я букет огня. / Людям меня видно, / А мне людей – нет. / Конечно же, мне обидно, / Ведь несут-то я им свет. / Чтобы грелись от холода, / Готовили дичь и питье, / Не знали болезней и голода, / Но, видно, напрасно все. / Ползу я, покрыт синяками, / Идти уже нету сил, / А какой – то большой камень / Вовсе огонь загасил ... / Мало того, что люди побили, / А потом еще боги к скале прибили».

Современному адресату сразу становится ясно, что это отсылка к древнегреческому мифу о Прометее. Прометей тайно проник на священную гору Олимп и похитил для людей огонь. Он также научил людей всему, что сам знал: счету, письму, ремеслам. По мифам древних греков, именно благодаря Прометею люди стали теми, кем они являются сегодня. Но Прометей действовал против воли Зевса, чем вызвал его гнев. За это он был вынужден испытать колоссальные страдания. Такой жестокости боги еще не видели. Зевс приказывает приковать Прометея к скале на одной из вершин Кавказа. Каждое

утро к нему прилетал орел, который клевал его печень. За ночь печень отрастала вновь, чтобы утром птица снова принялась за работу. Ужасные муки испытывал Прометей. Титан Геракл находит Прометея, убивает прилетевшего в назначенный час орла и освобождает Прометея.

Интертекстуальность, т.е. ссылка на другие тексты, является сложным когнитивным феноменом и в то же время одним из важнейших компонентов человеческого мышления. Ее главной функцией традиционно признается установление коммуникативного взаимодействия, диалога между цитирующим и цитируемым авторами и между их эпохами и культурами. Ощущение в тексте «чужого слова», частые отсылки к классическим произведениям или к современным актуальным и популярным дискурсам основаны на процессах категоризации, упорядочивания знаний, кроме того, они способствуют поддержанию национально-культурного пространства и осознанию общественных норм и правил. Вызванные направленными ассоциациями ментальные пространства смешиваются со смыслом и контекстом нового текста, образуя новые ментальные пространства. Таким образом, интегрированная модель позволяет осмыслить взаимодействие ментальных пространств, что приводит к представлению о возникновении нового знания, нового смысла.

Согласно теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье [Fauconnier, 1994], основа мыслительной деятельности – смешение *ментальных пространств*, динамических когнитивных структур, которые в ходе процесса слияния модифицируются и взаимодействуют, в результате чего формируются новые ментальные пространства и новые связи между ними, способствующие становлению нового творческого знания. Возникшее при этом новое слитное пространство (*бленд*) может быть представлено интеграционной моделью, состоящей из следующих компонентов: двух или более *входных пространств* (input spaces); *порождающего слитного пространства* (generic space); собственно *бленда* (conceptual blended space), т.е. нового концептуального пространства, нового смысла, основанного на фоновом знании и не выводимого из арифметического сложения смыслов двух или более входных ментальных пространств. Наиболее значима при этом *«аналогия*, которая в целом определяет процесс интеграции, поскольку человек осмысливает происходящее, основываясь на опыте проживания аналогичных ситуаций» [Dancygier, Sweetser, 2014: 84]. Эванс проводит сравнение лексического концепта и реального смысла слова в речи с фонемой и ее аллофонами. Лексический концепт, как и фонема, – это усредненное понятие, выведенное в результате опыта употребления сло-

ва. В речи функционирует его вариант [Evans, 2006: 498]. Процесс вынесения на первый план одних сторон значения и затемнение других называется *высвечиванием* (highlighting) [Lakoff, Johnson, 1980]. В процессах интегрирования ментальных пространств важно учитывать самые разные контексты, в которых может происходить высвечивание отнюдь не ядерных, прототипических, но периферийных сторон концепта, что делает их приоритетными и определяющими.

В работе М. Панагиотиду [Panagiotidu, 2012], использующей методику теории лексических концептов и когнитивных моделей В. Эванса [Evans, 2006] и теории концептуальной интеграции М. Тернера и Ж. Фоконье [Turner, Fauconnier, 2003], вводится понятие интертекстуального фрейма, под которым понимается концептуальное пространство, в котором текст смешивается с интертекстуальным знанием. Интертекстуальное знание делится у нее на два вида: 1) тематическое: содержание, основные идеи, имена героев и т.д.; 2) стилистическое: жанр, поджанры, ФЕ, крылатые выражения, цитаты, аллюзии. Происходит взаимодействие концептуальных структур, связанных с новым текстом и прототекстом, на основе фонового знания адресата. М. Панагиотиду выделяет три типа интертекстуальных связей по их сложности: 1) семантическая интертекстуальность (вызвана одним словом); 2) тематическая интертекстуальность (связь поддерживается рядом отсылок к определенному интертекстуальному знанию); 3) стилистическая (цитаты и жанр) [Panagiotidu, 2012].

Основываясь, модифицируя и дополняя вышеперечисленные теории и классификации [Turner, Fauconnier, 2003; Evans, 2006; Panagiotidu, 2012], я предлагаю выделять следующие типы *межтекстовых интертекстуальных связей*: 1) *содержательная (семантическая)* интертекстуальность (связь поддерживается рядом отсылок к определенному интертекстуальному знанию прототекста (темы, мотивы, сцены, сюжетные коллизии, призванные активировать хранящиеся в памяти адресата определенные когнитивные модели, обладающие семантическим потенциалом и подкрепляемыми прямыми отсылками и повтором текстовых элементов прототекста); 2) *формальная (структурная)* интертекстуальность (связь поддерживается рядом отсылок к форме изложения, сходной с прототекстом, например, библейской – параллелизмы, сходные синтаксические конструкции и т.п.); 3) *аллюзивная лексическая* интертекстуальность с вектором направленных ассоциаций и отсылками к лексике прототекста (они́мы, антропони́мы, имена мифологических и литературных героев и пр.); 4) *меметическая* интертекстуальность (мемы и цитаты прототекста используются в новом тексте в измененном

виде, т.е. в качестве антимемов, или с тождественным воспроизведением образца, но с изменением контекстуального смыслового акцента (т.е. высвечивания). Цитаты вообще наименее зависимы от читательского опыта и фоновых знаний. Со временем они могут полностью оторваться от контекста, в котором были созданы, потерять связь с текстом-источником и, по выражению Р. Барта, «потерять отцовство», но приобрести новые, независимые, но при этом широко известные смыслы. Алгоритм интертекстуального фрейм-слового анализа может быть представлен в виде последовательного рассмотрения следующих типичных интертекстуальных свойств мифодизайнерского текста:

- 1) наличие и количество input spaces (входных пространств);
- 2) семантическая (содержательная) интертекстуальность – отсылки к интертекстуальным знакам прототекста: темы, мотивы, сюжеты, сцены, активизирующие когнитивную модальность прототипа);
- 3) формальная (структурная) интертекстуальность – отсылки к форме изложения прототекста, сходные синтаксические конструкции и стилистические приемы и т.п.);
- 4) аллюзивная лексическая интертекстуальность: векторы ассоциаций, направленные на сходство с лексикой прототекста (они́мы, мифологические герои, литературные персонажи и т.д.);
- 5) Меметическая интертекстуальность (высвечиваемые мемы прототекста претерпевают изменение Активной зоны в новом контексте, вследствие чего меняется смысловой акцент).

Помимо перечисленных основных типов *межтекстовых интертекстуальных связей*, возможны специфические подтипы, необходимые при моделировании специфического дизайна, например, для мифодизайна, сходного с древним прототекстом.

1) Архетипичность мема-мифологемы. Одним из непеременных атрибутов мифопоэтического мышления является прототипический образец, или архетип, понятие, введенное Аристотелем и означающее «модель, оригинальный образец». К. Юнг понимает под термином «типическая ситуация» не что иное, как определенный комплекс событий, взятый в их последовательности и сочетаемости, который и запускает в действие архетип из типологического списка (Трикстер, Культурный Герой, Мудрый Правитель, Союзник, Хранитель Врат/Защитник, Тень/Мировое Зло, Жертва и т.д.). Механизмы эффективного влияния архетипа настолько велики, что они могут стать ключевыми в создании имиджа политика. Так, закрепились в социуме мемы: Обама – Золушка, Гадкий Утенок, через инициацию «из грязи в князи», Трамп – Трикстер, через инициацию первоначальной ипостаси шута, через антимемы, вербализованные в виде концеп-

туальных зоометафор *Lame Duck*, позднее – *Гринч*, *похититель Рождества*, еще позднее – *Black Swan*; Х. Клинтон – Верная Жена через инициацию ситуации измены мужа. Но именно антимемы могут стать эффективными механизмами разрушения сложившихся архетипов и создания новых при условии распространения и укоренения в обществе множества демотивирующих высказываний, опровергающих сложившиеся образы. Так, новая ипостась президента Трампа выражена в архетипе Крысолов (одном из самых распространенных образов в мировой культуре, с ним связывали влиятельнейших политиков мира). У Х. Клинтон меняется архетип Верная жена, на первый план выходит архетип Тень. Архетип Терезы Мэй через инициацию должности – министр внутренних дел – «Хранитель Врат» (Защитник) – позднее превратился, через инициацию затянувшегося Брексита и череду укоренившихся метафорических антимемов: “Walking Dead”, “Parrot Dodo” – в архетип Трикстера.

Механизмы влияния антимемов на массовую аудиторию тесно связаны с глубинными архетипическими структурами и коллективным бессознательным. Благодаря своей частотной повторяемости при умелом использовании они способны внушить адресату модели восприятия тех или иных событий и обеспечить нужную психологическую оценочную реакцию на подсознательном уровне. В анализируемом тексте тип мифа прототекста, его признаки, архетипичность несомненно свидетельствуют о том, что это аллюзия на древнегреческий миф о Прометее, его ссоре с Зевсом и понесенном наказании.

2) Образные и тропеические языковые средства. Отношения взаимозависимости мифа и языка издавна привлекали внимание ученых, философов и лингвистов издавна, но наиболее явно это нашло проявление в различных философских концепциях XIX–XX вв. На наличие связи между языком и мифом указывали И.Г. Гердер, Ф.В. Шеллинг, М.Э. Кассирер, Г. Спенсер, М. Мюллер, А.Ф. Лосев, А.А. Потебня и др., подчеркивая, что даже этимологический анализ слова *миф* свидетельствует об этом, ведь в древнегреческом языке *mythos* – это *рассказ*. В работах И.Г. Гердера утверждается первично мифологический характер всех языковых и словесных понятий, Ф.В. Шеллинг видел в языке «поблекшую» мифологию. Они оба утверждали первичность мифа по отношению к языку. Напротив, представители течения сравнительной мифологии (Г. Спенсер, М. Мюллер) считали, что язык первичен по отношению к мифу, а мифология основана на многозначности языковых выражений и неправильном толковании имен этих явлений. Э. Кассирер, объясняя

миф через язык и язык через миф, пытается определить принципы образования языковых понятий и понятий мифа [Кассирер, 2000]. После анализа их способов образования и структуры он приходит к выводу о генетической и логической связи мифа и языка. В анализируемом тексте образность и тропеичность проявляются в виде развернутых метафор – «Украл у богов факел, *принес людям свет*. А люди *по норам* попрятались, только из тьмы камни градом летят в меня»; «*крепко руками держу я букет огня*»; «*ведь несут-то я им свет*»; «боги к скале прибили».

3) Функциональная установка форматирования мемплекса особым *дуалистическим образом*, свойственным мифологическому мышлению, позволяет связать в единое семантическое пространство разобщенные в бытийной практике вещи. Бинарные оппозиции: *уход/возвращение, предательство/самопожертвование, порядок/хаос*. В анализируемом тексте – это наличие двух противопоставляемых *input spaces* (входных пространств): древние боги VS современный «маленький» человек.

4) Ре/демифологизация: реновация, осовременивание мифа происходит за счет затушевывания его ядра: в фокусе стихотворения не история личных взаимоотношений между богами (кстати, написание с прописной буквы – явный признак демифологизации), а то, что лежит на периферии мифа, высвечивание его периферийной зоны, а именно: равнодушие и жестокость современных людей, не понимающих того, кто, жертвуя собой, несет им добро и тепло, получая за это боль и мучения. Ключевой концепт здесь – не *подвиг Титана, не героизм*, как в традиционном мифе о Прометее, а жалоба маленького человека: «*Обидно. Ведь несут-то я им свет*».

Подводя итоги вышесказанному, можно заключить, что широкое внедрение архаического мифа в постмодернистский дискурс, его осовременивание как в виде ремифологизации (т.е. использования сюжета, имен, структурной и образной тропеической аранжировки), так и в виде демифологизации (снижения пафоса, дегероизации, ироничности, неформальности стилового регистра, нивелировки богопочитания), – все это переводит мифологему в семиотическую сферу, превращает ее в знак, новую смысловую единицу лингвокультуры, а главное – встраивает в контекст современности, давая возможность вступать в диалог с новым поколением XXI в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кассирер Э. Избранное. Индивид и космос. М.; СПб., 2000.
2. Мелетинский Е.М. Мифология: Энциклопедия / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М., 2003.
3. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб., 2005.

4. *Элиаде М.* Аспекты мифа. М., 2014.
5. *Юнг К.-Г.* Душа и миф: шесть архетипов. М., 1997.
6. *Dancygier B., Sweetser E.* Figurative Language. Cambridge, 2014.
7. *Evans V.* Lexical concepts, cognitive models and meaning construction // *Cognitive Linguistics*. 2006. V. 17(4). P. 491–534.
8. *Fauconnier G.* Mental spaces: aspects of meaning construction in natural language. Cambridge, 1994.
9. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live By. Chicago; L., 1980.
10. *Panagiotidu M.-E.* Intertextuality and literary reading: a cognitive poetic approach. Un-ty of Nottingham, 2012.
11. *Turner M., Fauconnier G.* Polysemy and Conceptual Blending // *Polysemy: flexible patterns of meaning in mind and language*. Berlin; N.Y., P. 79–94.

Galina G. Molchanova

INTERTEXTUALITY AND MYTHOTECHNOLOGIES IN POST-MODERN TEXT²

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The aim of the present paper is to focus on identifying the main cognitive mechanisms in the mental world by which the human consciousness and traditional classical myths are renovated as motivated by the contextual factors and underlying modern technologies. Through a frame/slot analysis of the modern text/discourse we draw attention to the way in which the most typical intertextual properties of the renovated myths are represented. They are as follows: 1) the division of input spaces and their quantity number; 2) the semantic intertextuality; 3) the formal (structural) intertextuality; 4) the allusive intertextuality; 5) the memetic intertextuality. We conclude that the archetypal myth strategies in the modern text/discourse can be renovated by two means: 1) *remythologisation* (that is, exploration and usage of the traditional archaic plot, narration, a literary bookish stylistic register, names, structural arrangement, semantic meanings in the new context); 2) *demythologisation* (that is, negative or ironical attitude to the main gods, titans and heroes; non-formal stylistic register; a low-level pathos; the modern plot and social context). All these properties transfer the archaic myth into the new semiotic unit, able to be functioning in the new social and temporary situation and communicating with the new generation of the 21st century.

Key words: mem; mythology; intertextuality; re/demythologization; memplex; archetype; prototext.

About the author: *Galina G. Molchanova* – Dr.habil in Philology, Dean of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Professor, Head of the Department

---

² This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: dean@fl.msu.ru).

REFERENCES

1. Kassirer E. 2000. *Izbrannoe. Individ i kosmos* [Selected Works. The Individual and the Cosmos]. Moscow, Universitetskaya kniga. (In Russ.)
2. Meletinskij E.M. 2003. *Mifologiya: Enciklopediya* [Mythology. An Encyclopedia]. Moscow, BRE. (In Russ.)
3. Eko U. 2005. *Rol' chitatelya. Issledovaniya po semiotike teksta* [The role of a reader. The research on the semiotics of texts]. St-Petersburg, Symposium. (In Russ.)
4. Eliade M. 2014. *Aspekty mifa* [Aspects of a myth]. Moscow, Akademicheskij proekt. (In Russ.)
5. Yung K-G. 1997. *Dusha i mif: shest' arhetipov* [A soul and a myth. Six archetypes]. Moscow, Port-Royal. (In Russ.)
6. Dancygier V., Sweetser E. 2014. *Figurative Language*. Cambridge, Cambridge University Press.
7. Evans V. 2006. Lexical concepts, cognitive models and meaning construction. *Cognitive Linguistics*, V. 17(4), pp. 491–534.
8. Fauconnier G. 1994. *Mental spaces: aspects of meaning construction in natural language*. Cambridge, Cambridge University Press.
9. Lakoff G., Johnson M. 1980. *Metaphors We Live By*. Chicago, London, The University of Chicago Press.
10. Panagiotidu M.-E. 2012. *Intertextuality and literary reading: a cognitive poetic approach*. University of Nottingham.
11. Turner M., Fauconnier G. 2003. Polysemy and Conceptual Blending. *Polysemy: flexible patterns of meaning in mind and language*. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, pp. 79–94.